

Коварство небес, упорство земли

Кай Имланд

Кай Имланд Коварство небес, упорство земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73307598

SelfPub; 2026

Аннотация

Многим не хватает в жизни волшебства, но так ли хорошо в сказочном мире? Увы, магия не отменяет бытовых проблем, да и доступна не всем. Вот и в мире Китая эпохи Тан, судьбу которого вершат боги и герои, а среди облаков летают настоящие драконы, жизнь простого крестьянина – не сахар. То наводнение, то неурожай, то смерть близких, а тут еще налоги платить нечем. Того гляди, угодишь рабом на стройку Великой стены. Что делать, в разбойники податься? Куда там, первый встречный побьет такого недотепу! Постой, ведь неподалеку заточен демон, который однажды едва не уничтожил Поднебесную. А вдруг за свободу он одарит и мощью, и богатством? Ох, и отомстит тогда крестьянин и чиновникам, и богам, да вообще всем! Вот только не ловушка ли это? Возможно, тому сборщику налогов были нужны далеко не деньги. Во взгляде человека не бывает такой жути и... такой печали...

Кай Имланд

Коварство небес, упорство земли

Коварство небес, упорство земли

Глава 1

– Пощадите, милостивый господин! – истерично воскликнул молодой крестьянин Дэн Линь и бухнулся на колени. Из глаз Дэна обильно потекли слезы, но вовсе не потому, что жидкая грязь рисового чека обляпала жалкие обноски.

Мандарин,¹ брезгливо поморщившись, отскочил так резко, что каурый мерин, который пасся у дороги, поднял голову и начал настороженно прядать ушами. Приподняв полы расшитого золотыми драконами халата, мандарин внимательно осмотрел бархатные штаны. Чиновник заметил на них крохотное пятнышко и стал мрачнее тучи. Повисла тягостная пауза, на протяжении которой Линь так и стоял в буровой жиже, глядя на чиновника голодной собачонкой.

Мандарин подергал висячий ус и сделал знак одному из стоявших подле него солдат. Тот коротко кивнул – прежде его легко было принять за терраотовое изваяние, грозное и непоколебимое – и в два широких шага очутился рядом с крестьянином. Мощный удар тупым концом копья под дых

– и Дэн сложился, но тут же, получив окованным железом носком сапога по лбу, откинулся назад. Упасть ему не дали: солдат ловко перехватил его за волосы и... с силой макнул лицом в грязь. Крестьянин попробовал вырваться, но тут же заработал по ребрам и сник. Солдат тем временем и не думал униматься: он возил Линя в грязи, буквально вбуравливая его носом в попахивавшую навозом жижу. Наконец, мандарин властно махнул рукой, презрительно бросив:

– Хватит. Эта скотина еще не заплатила налог. Если она сдохнет, нужную сумму вычтем из твоего жалованья.

Показалось, или на каменной роже солдата обозначилась первая эмоция? Вроде бы, в его глазах мелькнула тревога. Грубо приподняв крестьянина за ворот, солдат подтащил его, словно тук с тряпьем, к ногам мандарина. Решив, что чиновник сжалился, Линь сделал еще одну попытку:

– Господин, пощадите! В прошлом году могучая Янцзы сильно разлилась и наша деревня едва не погибла. Пришлось дома восстанавливать, поля расчищать, вот все деньги и вышли. До гроша последнего! Сейчас только сев, и мы совсем обнищали. Дайте время хотя бы до осени!

Чиновник наступил туфлей на перепачканный грязью затылок Дэна. Он вдавил голову несчастного в придорожную траву и начал вращать ступней – так прилаживают разболтавшийся булыжник на мостовой. На губах мандарина расплылась плотоядная ухмылка, но по его лоснящимся скулам ходили злые желваки, а в узеньких глазках и вовсе зажегся

красный, воистину демонический огонек. Легко было вообразить, что чиновник нередко обедает крестьянами, и сейчас он решал, годится ли этот для очередной трапезы.

– А скажи-ка мне, милый, есть ли у тебя семья? – нарочито ласково проворковал мандарин.

– Нет, господин, – с трудом выдавил Линь. – Мои благородные родители померли в прошлом году, очень уж из-за наводнения переволновались. Что до жены, где мне ее найти? Никто не отдаст дочь за такого нищеброта.

Стало очень тихо, и Дэн слышал лишь drobный стук своего сердца, готового буквально проломить грудную клетку. Он пытался осторожно повернуть голову так, чтобы видеть лицо чиновника. Почему он молчал? Выдумывал новую издевку или пожалел несчастного?

Наконец мандарин обильно сплюнул – точнехонько Линю на загривок.

– Не ври мне, падаль, – проворковал чиновник, и от его тона крестьянина пробила дрожь. – Я потолковал с деревенским старостой. Действительно, семьи у тебя нет. Значит, тебе не нужно кормить лишние рты! Староста рассказал, что ты поставил себе фанзу² заметно лучше, чем у прочих. Значит, деньги у тебя есть. Откуда они?

– Нет, не верьте этому лживому старику! – в ужасе пискнул Дэн. – Он просто всегда не любил меня! Дом у меня такой же, как у всех. Не фанза, а так, хижина убогая!

– Так-то ты считаешь старших?! – прикрикнул на него

мандарин. — Кстати, дед еще кое-что интересное рассказал. Мол, во время наводнения ты нашел в заводи труп человека в богатой одежде и обчистил его, оттуда и деньги. Как раз в прошлом году в этих краях бесследно исчез один купец. Вроде бы, его лодка попала в водоворот и разбилась.

Крестьянин хотел что-то возразить, но страх удавом обвил его горло, не давая выдать ни звука.

— Значит так, — продолжил чиновник скучливо, — заплати-ка ты по-хорошему. Пару недель я еще побуду в этом уезде, вот тебе и срок. На самом деле я много и не требую, по нынешним-то временам. Не так давно у северных варваров появился новый вождь, и его орда стала сильно досажать рубежам Поднебесной. Потому Сын неба³, видя страдания своего народа, решил хорошенько проучить варваров и устроить против них поход. Но его подготовку и нужны деньги. Много денег! — он наклонился и проорал Линю прямо на ухо: — Для вас же, собак, наш божественный повелитель старается! Понимаешь?!

— Но ведь... — пропищал крестьянин как полузадушенная мышь.

— Опять споришь?! — грозно прикрикнул на него мандарин. — Значит, ни в какую платить не хочешь? Ну что ж, ты можешь послужить Сыну неба и по-другому. Сейчас возобновили строительство Великой стены и туда нужны работники. Не хочешь там покаряться? Говорят, дохляки вроде тебя там дольше полугода не живут! Но это ничего, их кости

сделают стену крепче!

Тут другой солдат, до сих пор стерегший мерина, подошел и шепнул мандарину на ухо:

– Господин, солнце уже клонится к закату. Вы обещали отужинать с главой уезда, а путь туда не близкий.

Чиновник вздохнул.

– Ох, тяжела служба на благо Сына неба. Ладно, едем.

Он брезгливо, точно крысиный труп, отпихнул крестьянина и тот безвольно шлепнулся в грязь. Чиновник с удивительной для его грузного тела ловкостью запрыгнул на мерина и шагом пустил его по разбитой дороге. Солдаты сопровождали начальника пешком: один немного впереди, другой – позади. Линь, приподнявшись на руках, провожал их взглядом, пока непрошенные гости не скрылись за стеной гаоляна. Тут лицо крестьянина перекосилось, а из его глаз обильно закатали слезы.

– Проклятые кровопийцы! – простонал он, размазывая по щекам грязь вперемежку с соленой влагой. – Досуха все соки высосать хотите! – Дэн в отчаянии поглядел на небо. – Тьфу, и эти ничем не помогают. Сколько я молился, помогал строить и украшать храм в нашей деревне, и что? Сперва засуха, а затем на другой год – наводнение. Потом – смерть родителей, а теперь какая-то дурацкая война и обдиравка. Будто мы без того мало страдали?! Где эта проклятая справедливость и почему небеса столь жестоки?!

Глава 2

Он был огромен – выше самых высоких гор – и напоминал нечто среднее между орангутангом и медведем. Плечистая, почти квадратная тварь с толстыми кривыми ногами, сплошь покрытая черным мехом. Вот только ни у одной обезьяны нет целой тысячи рук, каждая из которых сжимала бы оружие – копья, мечи, щиты, булавы, ваджры⁴ – все, что только смогли изобрести для убийства на земле, под и над ней. Шею монстра украшало ожерелье из черепов и костей, и оно отлично подходило к его роже – уродливой, сморщенной, с носом-пяточком и пастью, которая не закрывалась из-за устрашающего вида клыков. Слюна обильно капала со свисавшего до груди языка, а глаза пылали, как колодцы в преисподнюю. Целая роща из переплетенных рогов венчала голову чудища, а волны жаркого пламени служили ему мантией.

Никто не знал, откуда взялось это страшилище: может, люди в своей алчности слишком глубоко вспороли плоть земли и разбудили дремавший там ужас? Или злой чародей, обиженный на весь свет, призвал его? Или просто переполнилась чаша терпения небес, уставших взирать на грехи человечества? Впрочем, какая разница? В тот день монстр заслонил собою синеву дня, и солнце скрылось, парализованное страхом. Чудовище огляделось, приняхалось и от его рева раскололись горы. Потрясая оружием, двинулось оно по землям Поднебесной, и от каждого его шага стонала твердь.

Полноводные реки вскипели и вышли из берегов, леса в

один миг обратились в золу, а поля напитались ядом, на годы став бесплодной пустыней. Звери и птицы бежали от чудища, но оно ловким движением лапы ловило их, точно мошкарку, и уже изжаренных отправляло в рот. Люди прятались в крепостях, моля правителей о защите, уходили в горы и закапывались в глубочайшие норы, но все было тщетно. Самые мощные стены рассыпались от единого удара монстра, словно не из камня сделаны были они, а из песка. Только стоял великий и шумный город – и вот уже не оставалось ничего, кроме груды зловонных развалин, перемазанных кровью.

Правители посылали на бой с чудищем великие армии, отлично обученные и экипированные, ведомые талантливыми полководцами, но... Едва вдаль показывалась исполинская фигура, как закаленные бойцы кричали от страха и разбегались. Тех, кто смел драться, ждала горькая судьба: монстр топтал их, крушил, одним взмахом палицы размазывая по несколько полков, а уцелевших хватал и жрал, как медведь глотает муравьев. Никто не мог остановить страшилище, и даже бессмертные боги попрятались в своих чертогах, не решаясь и носу высунуть наружу. Не было конца бесчинствам чудища и казалось, что настали последние дни мира.

Но не все еще было потеряно. В те далекие времена славились Поднебесная могучими героями и великими праведниками. Так, жили среди людей два брата – Гунь и Юй. Богато одарили их боги: Гунь отличался невиданной силой, а ловкости его могла позавидовать любая обезьяна, Юй же с детских

лет был известен изощренным умом. В молодости не знали они, куда применить свои дары и вели жизнь несправедливую и разгульную. Продолжалось это до тех пор, пока они, путешествуя по горной местности, не набрали на жилище буддийского отшельника.

– Слушай, брат! Этот монах тут наверняка не просто так сидит, а берет плату за проход, ведь путь через горы лишь один, – заметил Юй. – Не зная дороги, заплутаешь и погибнешь, потому надо спросить совета у знающего человека. Чиновники и купцы, воины и аристократы ходили здесь, и все они платили этому хитрецу. Поди немало сокровищ накопил он в пещере за долгие годы!

– И то верно, – согласился Гунь, разминая тяжелые кулаки. – Вытрясем у него все до последней монеты, а коли запыраться станет, так уьем!

Сказано – сделано. Грубо схватив монаха за грудки, Гунь потребовал у него показать, где спрятаны сокровища, но тот лишь кротко ответил, что в пещере пусто. Тогда Юй извлек множество хитрых инструментов, содрал с монаха одежду и подверг его самым изощренным пыткам. Однако монах лишь тихо молился и смиренно просил злодеев удалиться. Наконец у Гуня кончилось терпение. Сгреб он монаха и в ярости хотел разбить его голову о камни.

Вдруг раздался оглушительный гром, скалы вздрогнули до самых корней, а буяна парализовало. В один миг его молодое, крепкое тело сделалось, как высохшее дерево: корич-

невым, сморщенным, с распухшими суставами. Не то что драться, даже дышать Гунь мог теперь лишь с большим трудом. Юй, испугавшись, выбежал из пещеры, однако и его не миновала кара. Споткнулся он, повалился в небольшое озеро, и в тот же миг вся вода будто впиталась в его тело: раздулось оно, как шар. Кожа обмякла и начала слезать клочками, обнажив зловонные язвы. Принялся слизняком извиваться Юй, стеноя от невыносимой боли.

В слезах Гунь и Юй подползли к ногам святого старца и стали молить его о прощении. Он ответил им, что сам не держит зла, но виноваты они перед небесами. Теперь, чтобы заслужить искупление, должны обойти они целый свет и совершить немало подвигов. Делать нечего – уж больно доносили их неожиданные хвори, – согласились двое героев. Понятно, что в таком состоянии далеко бы они не ушли, и потому монах возложил на них руки и стал истово молиться. Тогда дали им боги небольшое послабление: при свете дня Гунь и Юй выздоравливали, делаясь молодыми и статными богатырями, но едва солнце скрывалось, как наваливалось на них проклятие, и страшно мучились они.

И вот отправились герои странствовать по свету. Они много постились и молились, изнуряли плоть жестокими тренировками и все – чтобы укрепить тело и дух, ведь немалая сила и твердость духа нужны были им для славных дел. Они помогали крестьянам, расчищая дикие леса и обустривая горные террасы, возводили города.

Окрепнув на этом, стали они исполнять более трудные задания отшельника. Побывали они на краю мира, и нашли там волшебный цветок, который только один мог послужить средством от страшного мора, обрушившегося на Поднебесную. Потом отправились они далеко на север, где обитал ядовитый дракон, наславший эту напасть на людей, и сразили его. Милостью небес кровь дракона – черная и зловонная – превратилась в могучую реку, именуемую Хэйлунцзян⁵. Сразили они семью тигров-людоедов, терроризировавших горные районы в провинции Юньнань. Совершили они и великое путешествие на далекий запад, чтобы отыскать там магические жемчужины, исполняющие желания. Что угодно могли получить они за них, но, памятуя завет наставника, пожелали лишь счастья и процветания для народа Поднебесной. Нет числа разбойничьим шайкам, которые истребили они или предали правосудию, равно как никто бы не сосчитал всех чудовищ и прочих ужасов, которые победили и преодолели два героя.

Слава о Гуне и Юе широко разнеслась по всей стране и, подобно штормовому морю, перехлестнулась через ее пределы, достигнув краев, где обитают самые дикие варвары. Однако все было тщетно: никак не оставляло проклятие богатырей, и когда землю укрывала ночь, все люди отдыхали, а герои терпели невыносимые муки. Что-то еще требовали от них небеса, и не ясно было, чего именно.

Но тут явилось ужасающее чудовище, грозившее не толь-

ко погубить людей, животных и растения, но и обрушить сами небеса, расколоть землю и испарить океан. Не такое ли испытание приготовили боги для Гуня и Юя?

В крайнем волнении пришли они к пещере мудреца и наставника. Спросили они, в том ли веление судьбы, чтобы они освободили мир от такого монстра? Отвечал им монах, что смертным не дано познать волю небес, как бы они ни пытались. Впрочем, если хотят они, то могут попробовать. Только помнить им нужно, что обычным оружием, как бы совершенно ни было оно, не победить порождение зла. Дело вот в чем: сражаясь, приносят они боль и гибель, а потому не важно, за правое ли дело бьются они или за худое. Лишь добром, непротивлением и милосердием должно побороть любую неправду. Смутились этими речами Гунь и Юй, но решили, что не время им ждать и распутывать хитросплетения слов мудреца: надо действовать, пока Поднебесная не обратилась целиком в выжженную пустошь.

Взял тогда Гунь свой верный гуань дао⁶: даже самая крепкая броня не могла противостоять ему, и легко разрубал ей герой даже могучие скалы. Никто не сможет противостоять разъяренному буйволу, – похвалялся он. Юй же подпоясался лю син чуй⁷, а также взял сумку, куда положил много хитрых шуток. Не мог он тягаться с братом в силе, зато был известен ловкостью и смекалкой. Оружие его молнией носилось в воздухе, и нельзя было уследить за его движениями, а сработанные им изобретения способны были обмануть, за-

пугать, ослепить, запутать кого угодно. Мудрый сокол не показывает своих когтей, — усмехался он.

Снарядившись как следует и вознеся горячую молитву, а также принеся богам обильные жертвы, выступили богатыри против монстра. Не стали они долго увещевать его и пытаться склонить к миру, ведь это было бы столь же тщетно, как говорить с бешеной собакой. Нет, сразу же подпрыгнул Гунь до небес и, широко размахнувшись, поразил чудище глефой в лоб. А Юй тем временем, чтобы помочь брату, выпустил едкий туман. Плотным облаком закрыл он весь небосвод, и тут же сработали и другие изобретения хитреца. Под ногами монстра открылись ловчие ямы, полные кольев, смазанных ядом. Не могло страшилище миновать их, ибо ничего не видно было во мгле.

Действительно: чудище не ожидало, что кто-то еще посмеет тягаться с ним. Получило оно могучий удар промеж глаз и заревело, и пошатнулось. Споткнувшись, рухнуло оно в яму, и в тот же миг ноги его опутали липкие сети, тысячи отравленных копий впились в его шкуру. Казалось, победа близка, потому сердца героев исполнились радостью и тщеславием.

Но не тут-то было. Встряхнувшись, монстр без особого труда выбрался на ровное место и стало ясно, что вопил он не от боли, а всего лишь от досады. Богатыри приготовились к новой атаке, но тут обрушилась на них вся ярость чудовища. Всего раздохнуло оно, и вся долина потонула в вихре ис-

пепеляющего пламени. Одной рукой взмахнул монстр ваджрой, и с неба подобно ливню из стрел обрушились бессчетные молнии. Другой рукой пустил он чакру⁸, и острое лезвие ее сбрило горный хребет, так что рассыпался тот в прах. Третьей рукой метнуло чудище копье, и пропоролو оно в земле гигантское ущелье, полное кипящей лавы. Четвертой рукой взмахнул исполин веером из остро отточенных лепестков, и буря обрушилась на долину. Оказалась она настолько мощной, что великая крепость, стен которой не могли поколебать тысячелетия войн, рассыпалась на куски, и улетели те неизвестно куда. Пятой рукой щелкнул монстр кнутом, и вышло из берегов море, и захлестнула поле брани волна выше гор Куньлунь.

Лишь напрягши всю свою богатырскую силу смог Гунь выстоять от такой атаки, и только нечеловеческая хитрость позволила Юю укрыться. Однако стало ясно, что долго им не продержаться. Как же быть, если оружие бессильно? Думали они, что погибли, а вместе с ними пришел конец и целой Вселенной. И вспомнили они слова мудреца, и осенило их. Бросили герои оружие и опустили на колени, принявшись истово молиться. Более не противились они, считая, что коли выпал им жребий погибнуть, то так тому и быть. Как знать, вдруг, очистившись страданием, переродятся они для лучшей участи?

Видя это, монстр разразился громовым хохотом и пустился в пляс, от которого застонала земля. Решил он, что уже

победил. Раз прославленные герои склонились перед ним, и никто не смеет более выйти на бой, то мир принадлежит ему. Разрушит он все до основания и перестроит по своему извращенному вкусу. Натешившись, чудище протянуло к богатырям тысячу своих лап, чтобы не просто пришибить Гуня и Юя, а размазать их тонким слоем по всей Поднебесной. Богатыри смиренно молились и не пытались защититься.

И вдруг было явлено чудо. Полыхнула ярчайшая вспышка, будто тысяча солнц разом зажглись на небе, и всю долину залил такой жар, что ручьями камень потек с гор. В тот же миг меч Юя, хотя герой и не прикоснулся к нему, поднялся в воздух, принялся извиваться и вытягиваться, став похожим на серебряного дракона. Выплюнул тот из своей пасти мириады огненных дисков. Злыми шершнями пронзили они небосвод и обрушились на чудище, пригвоздив то к земле. Следом опустился и сам дракон, крепко связав монстра. Тогда и оружие Гуня пришло в движение. Выпустив сноп огня, стрелой взвилось оно в воздух и поразило чудище в самое сердце. Жутко взвыло страшилище, но крик тот быстро оборвался, когда обратилось его тело в горный кряж, покрытый копотью. Так повержен был самый ужасный враг Поднебесной: не силой воли, и не яростью, а только смирением.

Уцелевшие люди выбирались из укрытий и славили богатырей, осыпали их цветами. Крестьяне подносили им лучшие из даров земли, купцы предлагали роскошную одежду и украшения, аристократы сулили в жены красавиц-дочерей

с богатым приданым, а Сын Неба посулил им посты первых своих сановников.

Однако никаких наград не приняли Гунь и Юй. Осознали они, что не зря небеса наслали на Срединное государство такую кару: за гордыню и пороки людей явлена она, страстями их порождена она. Теперь избавились герои от всех низменных жад, и умиротворился мятежный дух их. Заодно как по волшебству и плоть богатырей очистилась от проклятия. Они выучили свой урок, и потому служение их было завершено. Покинули они этот суетный мир и решили стать монахами-отшельниками, поселившись на склонах гор Куньлунь⁹. Никто после не встречал их, но сказывали, что после кончины были взяты они в столицу небесного государя Шан-ди¹⁰.

В то же время долина, где отгремела битва Гуня и Юя с чудовищем, обрела дурную славу. Рассказывали, что всякий, кто рисковал пройти через нее или тем более там поселиться, вскоре бывал наказан ужасными болезнями. Кожа его краснела и покрывалась незаживающими язвами, одолевала его невыносимая слабость и расстройство желудка, а, кроме того, выпадали все его волосы. Особенно опасно было приближаться к горному кряжу, в который обратилось чудище. Тогда люди решили, что монстр не был уничтожен насовсем, а лишь запечатан он и злая сила его просачивается наружу.

Однако время шло, и дела тех дней перешли в разряд легенд. Из тех, которые все слышали, да никто уже в них осо-

бо не верит. Спустя сотни лет крестьяне, разыскивая незанятую землю, поселились в долине, а через горный кряж протянулась дорога. Вроде бы, ослабело проклятие, лежавшее на крае том и более никто не боялся тех мест.

Впрочем, вероятно причина того крылась в ином. Пороки никуда не делись. Как человека не увещевай, по-прежнему более влечет его дурное, чем благо. Вот и тянутся люди к месту заключения демона. А коли так, то есть у него шанс возродиться.

Глава 3

– А-а-ахх! – выдохнул Линь, резко садясь на лежанке.

Он повел головой по сторонам, вглядываясь в ночную темноту. Слух разрывали надсадный треск и стрекотание, в темных углах комнаты метались уродливые тени. Что это? Дэн пугливо натянул одеяло до подбородка, зашарил по циновкам у изголовья. Пальцы сжались на чем-то продолговатом и гладком. Рукоятка меча? Верно, он должен продолжить бой, ведь больше некому остановить демона!

Однако секунды шли, и ничего не менялось, а тишину ночи нарушало лишь стрекотание... цикад да еще яростный рокот сердца в ушах. Продолговатый предмет скользнул по циновкам, заставив выпрыгнуть из укромного уголка рядом с очагом... всего лишь сверчка. Поджав губы Линь с досадой посмотрел на бамбуковую палку: да, он всегда клал ее рядом с лежанкой на случай, если в фанзу ночью залезут воры, од-

нако это отнюдь не меч легендарных героев. Что ж, крестьянину иного и не полагалось...

Вздохнув, Дэн откинулся на спину и заерзал, пристраиваясь поудобнее на жестковатом валике из старого тряпья. Несмотря на весну, воздух был, как свежесваренный рисовый кисель, и тело под тонким одеялом покрывал липкий пот. А ведь он и кан¹¹ с нового года не топил – экономил! Духота действовала на нервы. Еще больше раздражала привычная обстановка комнаты – хорошо еще, что темнота скрадывала ее убогость. Разве тут есть место демонам и богам, отважным героям, приключениям и подвигам? Нет, здесь существуют лишь изнурительная однообразная работа и алчные чиновники. Линь поморщился, словно от зубной боли, настроение сделалось столь же черным, как мрак на дне самой глубокой пещеры. Впрочем, сегодня злило буквально все: сверчок, который деловито ползал где-то на полке с горшками, монотонное верещание цикад, тоскливый перелай собак где-то вдалеке. Привычный поганый мир... как было бы здорово, если бы он провалился в преисподнюю!

Чтобы отвлечься, Дэн перевернулся на бок и принялся вспоминать сон.

«Гунь и Юй, легендарные богатыри. Истории об их подвигах известны всем. Помню, в детстве мы с друзьями нередко в них играли, и мне вечно доставалась роль демона. Обидно быть побитым! Видно, такая уж у меня судьба, начинать хорошо и потом вляпываться в дерьмо. Но почему такое при-

снилось именно сейчас?»

Все! Спать не было сил! Хотя на дворе стоял, наверное, час быка¹², но веки Линя упорно не хотели слипаться. Вчерашний инцидент с мандарином как живой встал перед глазами, и в душе ведьминым котлом забурлила злость. Заодно память о различных неурядицах лавиной накрыла голову крестьянина. Где уж тут дрыхнуть, когда надо думать, как выйти из положения?

Наскоро одевшись, Дэн подхватил бамбуковую палку и вышел во двор. Старая луна умерла, а новой еще предстояло родиться, а потому вокруг угадывались лишь неясные тени. Пришлось остановиться, пока глаза не привыкли к темноте. Однако долго оставаться на одном месте Линь не мог: внутри у него будто ворочался маленький, но очень злой дракон, ища выхода. В крайнем раздражении крестьянин вышел за порог. Неслышно миновав ряды наскоро слепленных лачуг, он зашагал по раскисшей дороге, петлявшей среди рисовых чеков.

Как ему поступить? Если он соберет все, что только можно, все равно не сможет оплатить налог. После прошлогоднего наводнения все крестьяне в уезде совсем обнищали, и надежда была лишь на хороший урожай, но его придется ждать до осени. Платить же надо было прямо сейчас. Может, удариться в бега – прямо сейчас, в чем есть? На первый взгляд идея казалась привлекательной, однако... Действительно, на севере сейчас возобновили строительство Ве-

ликой стены, приостановленное почти полтора века назад. Властям нужны рабочие, и теперь по всем дорогам то и дело попадались разъезды солдат. Потому простой люд старался или вовсе не покидать родных мест, или путешествовать по малым тропам, не попадаясь на глаза. Казалось бы, после наводнения должно появиться множество бродяг, но ничего подобного: не сможешь ответить, чей ты и куда идешь, как сразу же бросят в уездную тюрьму, а там и на стену угодишь. Какой смысл бежать, если в итоге все равно окажешься на стройке? Проще тогда выждать отпущенный мандаринном срок и не внести плату. Можно и вовсе прямо сейчас кинуться головой в омут: результат тот же, только быстрее и без лишних мучений.

Еще идеи? Ага... Дэн нахмурился и покрепче сжал палку. Неподалеку лежал перекресток важных дорог. Вдруг там поедет какой купец – один, в неброской одежде, чтобы сэкономить на охране – или просто богатый крестьянин с ярмарки возвращаться станет. Ограбить недотепу, да и все заплатить, а может и останется чего. Скоро новолуние, в придорожных зарослях грабителя не заметят, и бездыханное тело потом спрятать легко. Стоило попробовать?

Линь, хищно оскалившись, прибавил шагу.

Забравшись в молодую поросль гаоляна, Дэн накидал на себя старой листвы, вжался в землю и весь превратился в слух. Крепко сжимая бамбуковую палку, он даже дышать старался потише и пореже, а уши его заболели от напряже-

ния. Ничего... только цикады сверлили мозг своим надсадным верещанием, да где-то далеко в речной заводи выводили рулады лягушки. Возможно, Линь начал бы дремать, но от влажной земли тянуло холодом. Его начала колотить крупная дрожь, а дракончик зла в груди уже грозил разорвать свое вместилище. Однако вскоре там заморосил сперва мелкий, а потом все больше набиравший силу дождик отчаяния.

«Неужели боги окончательно отвернулись от меня? Зачем я отдал свои последние сбережения на храм и сам помогал его отстраивать? Что за жестокая судьба?!»

Чу! В тот момент, когда терпеть холод и растущую ломоту в затекших членах сделалось невмоготу, Дэн услышал... шаги? Сперва он подумал, что воображение играет с ним шутки, но нет: действительно со стороны дороги донеслось неровное, будто застенчивое чваканье. Путник, причем скорее всего бедный: кто еще попрется в одиночку посреди ночи, да еще по грязи?

Крестьянин было поморщился, как если бы его за щеку укусил москит, но потом призадумался. Ну да, на всякой голытьбе много не заработаешь, но был ли у него выбор? Богатые купцы или чиновники не поедут ночью, и все же прихватят с собой парочку дюжих телохранителей. Где Линю с ними справиться? Зря он надеялся на одинокого и состоятельного путника...

Эх, надо было послушаться бабку, которая хотела отдать его в монастырь, ведь ему, младшему сыну, наследство не

светило. Однако по их уезду прошлась острой косою чума, унеся и бабу, и старших брата и сестру. Дэн бы тоже окочился, но в тот момент ездил с отцом по делам в другую провинцию, а в итоге выжил и унаследовал все хозяйство. Думал, что ему повезло. Куда там! Жизнь в монастыре нелегка, но зато всегда есть крыша над головой, еда и никакие чиновники не будут вынимать душу. Глядишь, научился бы кое-чему, а потом мог и сбежать, если б надоело послушания нести да молиться. Монахов все уважают, а мастер кунфу без куса хлеба не останется. Но что есть, то есть: авось с одним бедняком он как-нибудь сладит и раздобудет у него хоть что-то путнее?

Подобно тигру поднявшись на четвереньки и стараясь не задеть ни одного стебля, Линь начал красться к обочине. Вот и дорога. Жидкая пелена облаков разошлась, и в бледном свете звезд Дэн различил одинокую фигуру. Человек неспешно брел, опираясь на посох, а за спиной у него виднелась объемистая котомка. Вдруг там на дне припрятаны какие-нибудь деньжата или парень хотя бы тащил с собой запас снеди? Наверняка он глядел только на дорогу, думая, как бы не споткнуться и за окрестностями не следил. Линь напряжился. Его губы растянулись в плотоядной ухмылке, а сердце, казалось, уже готово было выпрыгнуть из груди и само, не дожидаясь хозяина, наброситься на незнакомца. Но нет, нужно было дождаться наилучшего момента. Вот прохожий миновал засаду и, повернув на очередном изгибе

тракта, оказался к начинающему разбойнику спиной. Пора!

Одним прыжком Дэн выскочил из зарослей. Он поскользнулся и едва не упал, но все же сумел удержать равновесие. Два широких, громких шага, брызги мутной жижи из-под ног и широкий, до боли в спине замах палкой. Человек обернулся. Поздно! Конец палки уже со свистом неся к его макушке. Взрыв радости и азарта! Так вот что такое настоящая жизнь! Она – не унылое ковыряние на рисовом поле, а вот это – приключения!

Что?! Путник внезапно стал на две головы ниже, а потом... исчез! Палка бесполезно рассекла воздух, и Линь едва удержал равновесие. Он завертел головой в поисках цели, но тут его запястья – сначала правое, а потом и левое – взорвались острой болью. Палка вывалилась из онемевших пальцев. Потом кто-то жестко схватил его пониже локтя и резко вывернул руку за спину. Рубящий удар по затылку окрасил ночь фейерверком искр. Преодолевая боль, Дэн попытался вывернуться, но тут же в область почек словно врезался таран – один раз, а потом сразу еще и другой. Линь захрипел, его ноги подкосились. Мешком с землей он повалился на дорожку, и кто-то ловко запрыгнул на него, будто на коня. Тонкие и твердые, как ветки акации, пальцы обхватили его шею сзади и вдавили лицо в грязь. Линь заизвивался червяком, но его грубо саданули под ребра, и он присмирел. О, нет, только не снова! Второй раз за те же сутки его заставляют жрать землю!

Он ощутил над ухом хрипловатое дыхание. Ветерок, по весне пролетев над выгребной ямой, и то бывает свежее.

– И кто тут такой резвый? Зачем бросаешься на честных путников? – раздался неприятный голос, больше похожий на скрип давно засохшего дерева.

Ох, быть может, Дэн нарвался на злого духа или мертвяка? Леденея от ужаса, он как мог вывернул голову и увидел морщинистое лицо с жиденькой бородашкой. Тонкие губы незнакомца изгибались в широкой приветливой улыбке, но глазки-щелочки пугали. В них мерцал желтый огонек. Линь уже видел такой, только на совсем другом лице, и сейчас боль мешала ему вспомнить, на каком именно.

– Смилуйтесь, добрый человек! – взмолился Дэн. – Дурак я, не подумал, что делаю!

– Ишь, хитрый какой! – усмехнулся старик. – Пущу тебя, а ты снова кинешься? Ты молодой, а я – развалина, мне с тобой долго не протанцевать.

– Нет, простите, ради всего святого! Я не разбойник, я всего лишь бедный крестьянин! Просто от нужды дурные мысли в голову налезли.

– Врешь поди, ну да ладно.

Старик столь же ловко спрыгнул с незадачливого грабителя и протянул ему маленькую, сухонькую ладонь. Теперь Линь, поднявшись на колени, смог его разглядеть. Низенький худой дедок в простом халате, штанах и круглой шапочке – судя по всему, даосский монах. Выглядел он вполне

дружелюбно, но... едва Дэн протянул ему руку, как монах неувловимым движением ухватил его за безымянный палец и... тот встал набекрень. Ночную темноту вспорол истошный вопль крестьянина, а старичок заулыбался еще шире. Казалось, боль обидчика доставила ему почти физическое удовольствие. Да, зря Линь затеял все это: в самом деле, если человек путешествует ночью один, то у него или не все в порядке с головой, или он может за себя постоять. В любом случае, с ним лучше не связываться!

– Простите меня, святой человек! – бухнувшись монаху в ноги, взвыл Дэн. – Обещаю, отныне и мысли дурной в моей непутевой голове не будет. Хотите, завтра же уйду каяться?

Монах поморщился так, будто ему под нос сунули коровью лепешку.

– На что мне твое покаяние? Я просто тебе урок небольшой преподал, чтобы больше на глупости не тянуло, – тут он легким, можно сказать, поглаживающим движением вправил Линю палец и тот с удивлением понял, что боль исчезла.

Старец неспешно направился к обочине, туда, где под тутовым деревом лежала трухлявая колода.

– Давай сюда, – монах похлопал по колоде. – Посидим, потолкуем. Расскажешь мне, как до такой жизни докатился. Глядишь, помогу чем.

Лицо Дэна удивленно вытянулось, но спорить он не решился и послушно уселся рядом. Азарт и возбуждение рассеялись, как утренний туман над рекой, злость отступила и

матерым медведем на плечи навалилась смертельная усталость. Можно было подумать, что сердце вместе со всеми внутренностями растворились, вытекли, смешавшись с грязью пока он валялся на дороге. Теперь в груди сосала мучительная пустота. Голова вдруг стала очень тяжелой, и Линь уронил ее на руки.

– Да, я на самом деле обычный крестьянин и никогда не помышлял о дурном...

– Ага, мне померещилось впотьмах, конечно-конечно, – ехидно вставил монах.

– Все правда! – взвился Дэн. Ему страсть как захотелось отвесить старичку крепкую затрещину, но силы снова покинули его, да и в сустав пальца воткнулась новая игла боли. – Просто довели нас в деревне, а меня – особенно. В прошлом году наш уезд крепко пострадал от наводнения, мы едва смогли все наладить. Еще налоги заплатили немалые, а тут опять эти кровопийцы явились, новых денег требуют. Мол, варваров на севере отогнать надо, стену строить, – он скрипнул зубами и сжал кулаки. – Я понимаю, оно для страны нужно, но мне с того не легче. Как жить-то буду, коли все отдам? Причем мне, кажись, больше всех достается. Пускай со старосты требуют, я знаю, у него есть. Мне, когда я мальцом был, вот чего папаша рассказывал. Мол, однажды неподалеку от нас купеческая джонка разбилась, и староста с родней много чего оттуда повытаскали.

– Не должно зариться на чужое, – наставительно погрозив

Линю пальцем, заметил монах. — Человек должен следовать срединному пути, избегая и зла, и чрезмерного блага. Да будет сердце твое, как гладь пруда в тихий солнечный день, и жизнь потихоньку наладится сама собой.

— Знаю, знаю! — с раздражением отмахнулся Дэн. — Но как мне сейчас быть? Так и так налоги платить нужно, а где мне денег взять? Я и трудился в поте лица, и молился. Вон, последнее отдал на восстановление храма в прошлом году. Вместо того чтобы свою фанзу чинить, все в кумирне работал. Где мне благодарность за это? Могли бы и помочь боги в тяжкий час!

— Нам не дано познать путей неба и судьбы, — развел руками монах. — Кто знает, что и почему они тебе готовят? Однако... — его тон сменился на заговорщический шепот, — быть может, они все же тебя слышали. Знаешь легенду о Гуне и Юе, а также ужасном демоне?

— Еще бы! — фыркнул Линь. — Эту сказку у нас в детстве все слышали. Говорят, где-то здесь эта битва тысячу лет назад произошла. Только мне что с того?

— А то, что со временем печать слабеет. Та самая, которая на демона наложена. Видишь вон ту гору? — тонкий палец монаха указал на поднимавшуюся из тумана вершину, похожую на драконий клык. — Я проходил там пару дней назад и заметил пещеру. Было холодно и сыро, вот и решил в ней заночевать. А теперь гляди, чего нашел.

Старик сунул Дэну под нос раскрытую ладонь и на ней

блеснул золотой кругляш! Как зачарованный, Линь потянулся к монете, но даос ловко спрятал сокровище.

– Пригодится для нужд моей обители, – сказал он и легонько, но на удивление больно щелкнул Дэна по носу. – Наша вера учит, что каждому надо потрудиться ради своего счастья. Если одни боги тебе не помогли, то может, другие окажутся милостивее? Усек? Ну так действуй! – в его глазах снова мелькнул огонек, а ухмылка и вовсе придавала лицу демонический ореол.

Глава 4

Когда первые лучи рассвета вызолотили укутавшее горы молочное покрывало тумана, Линь преодолел последний поворот дороги. Громко отдуваясь, он присел на плоский валун. Разбросанные тут и там глыбы базальта подернулись инеем, а впереди, на фоне светлеющего неба, блистали серебром драконовы клыки вершин. Однако Дэну было так жарко, как будто он целый день трудился на залитом летним зноем поле.

«Ладно, – подумал он, глядя на дорогу, которая желтой чешуйчатой змеей сползала в долину. – Я достиг седловины, что дальше?»

Он обшарил взглядом окрестности. Единственное, что привлекало внимание в этом каменном хаосе – небольшая статуя Будды. Судя по всему, она отмечала седловину перевала, и ее поднятая рука благословляла путников. Бла-

гостная улыбка на лице просветленного показалась Линю настолько противной, что он сплюнул. Что, небеса опять посмеялись над ним? Где тут эта проклятая пещера? Ни грота, ни малой впадины или хотя бы расселины, в которую можно протиснуться! Выходит, он зря сюда поднимался? Ну да, монах видимо решил дать Дэну такое упражнение, чтобы тот осознал суетность бытия и пережил парочку озарений. Спасибо, старый козел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.